АЛЕКСАНДР
РАЕВСКИЙ

Я ПОНЯЛ ЯПОНИЮ

ОТ ДРАКОНОВ ДО ПОКЕМОНОВ

Александр Раевский

Я понял Японию. От драконов до покемонов

«Издательство АСТ»

2023

УДК 94(521)
ББК 63.3(5Япо)

Раевский А. Е.

Я понял Японию. От драконов до покемонов / А. Е. Раевский — «Издательство АСТ», 2023

ISBN 978-5-17-145160-8

Япония, без сомнения, одна из самых загадочных и удивительных стран на Земле, подарившая миру столько самобытных культурных феноменов, что и не сосчитать. Географически будучи Востоком, а ментально тяготея к Западу, она зависла где-то посередине и способна удивить любого иностранца. Эта книга для тех, кто чувствует очарование Японии, заинтригован и хотел бы узнать о ней больше. Здесь объединены академические знания об истории и культуре страны, а также личный опыт автора. Серьёзность содержания сочетается с увлекательным языком повествования и лёгкостью изложения. На страницах этой книги вас ждут: – главные вехи японской истории, от самурайских войн до атомной бомбардировки Хиросимы и Нагасаки; – корни феномена манги и аниме, а также классического кинематографа Японии; – удивительные факты о национальной кухне японцев и их вкусах; – наконец, попытка собрать все детали этого пазла, чтобы понять загадочную японскую душу. Понять Японию, разумеется, весьма непросто, но эта книга написана для того, чтобы помочь всем желающим сделать первый шаг в этом направлении. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(521)
ББК 63.3(5Япо)

ISBN 978-5-17-145160-8

© Раевский А. Е., 2023
© Издательство АСТ, 2023

Содержание

Вместо вступления 7
ЧАСТЬ 1. 9
Глава 1. 10
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Александр Раевский
Я понял Японию. От драконов до покемонов

Глава «Кулинария вычитания» написана в соавторстве с Дмитрием Булахом

© Раевский А. Е., текст
© Булах Д. Ю., текст
© Картографическая основа. РОСРЕЕСТР
© ООО «Издательство АСТ», оформление

* * *

Александр Раевский – историк-японист, кандидат психологических наук, доцент Университета Тохоку (Япония). Окончил Институт стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, защитил кандидатскую диссертацию о религиозной секте «Аум Синрикё». В 2019 году переехал в Японию, где живёт и работает до сих пор.

Вместо вступления

Понять другую культуру – почти невозможно: будучи сторонним наблюдателем, неизбежно упускаешь что-то, известное лишь её носителям на генетическом уровне. (Впрочем, так же невозможно постичь и собственную культуру, поскольку оказываешься лишён возможности посмотреть со стороны и провести необходимый отстранённый анализ).

Тем более тяжело представить, что кто-то сумел бы понять Японию – одну из самых самобытных и удивительных культур на земле. Можно десятилетиями изучать язык и читать в оригинале древние рукописи, можно работать в японской фирме и иметь множество друзей-японцев, можно родиться и вырасти в этой стране – всё равно у неё останется много загадок и непостижимых секретов. Отчасти в этом и состоит прелесть пути, у которого нету конца.

Поэтому название данной книги не следует воспринимать буквально; она не содержит исчерпывающей информации обо всех особенностях японской культуры. Зато в этом названии есть и легкая ирония, и приятная уху рифма – качества, которые кажутся автору важными для того труда, который у него получился.

Идеи и мысли, вложенные в эту книгу, являются компиляцией тех знаний, которые были почерпнуты автором за годы изучения Японии, жизни в этой стране и общения с японцами. В ней встречаются и его собственные интерпретации – в той мере, в которой это кажется уместным, и там, где он относительно уверен в их справедливости. Но ни в коем случае эта книга не претендует на незыблемость трактовок и утверждений: у любого явления в этом мире есть несколько ракурсов, и всегда надлежит помнить об этом.

Для того, чтобы сориентировать читателя, хочется сделать несколько вводных замечаний:

Все японские имена написаны в соответствии с японской традицией: вначале фамилия, потом имя. Поэтому некоторые имена (включая, например, Миядзаки Хаяо) могут казаться непривычными. Но это только поначалу.

В отечественной японистике существует одно правило: при записи японских слов кириллицей использовать транскрипционную систему Поливанова. Эта система пользуется заслуженным уважением, но при этом в ней существует один не совсем точный, по мнению автора, момент. Это запись японского слога #/#. Его обычно принято транскрибировать слогом *ти*, но, с точки зрения фонетики, ближе к японскому произношению представляется слог *чи*. Рискуя вызвать непонимание коллег по цеху, автор всё же берёт на себя смелость не согласиться с традицией и транскрибировать по принципу близости к оригинальному звучанию.

Таким образом, княжество Тёсю неизбежно становится Чёсю, а эпоха Муромати – эпохой Муромачи (т. е. приближается к японскому произношению этих слов). Это может вызвать неодобрение людей, привыкших к определённому написанию, и автор приносит свои извинения тем, кого это может задеть.

К сожалению, не всем важным историческим личностям, событиям и культурным феноменам нашлось место на страницах этой книги. И если что-то оказалось обойдённым вниманием, то это сделано не в силу недостаточной важности, а лишь из-за ограниченности формы. И если судьба будет благосклонна, то у этой книги будет продолжение, раскрывающее более подробно то, чему не нашлось места в этой части.

В заключение автор хотел бы выразить благодарность всем своим учителям, – в России и в Японии, – взгромоздясь на плечи которых, он решился на это писательское путешествие. Этой книги не было бы без многих поколений японистов – великих учёных, кого уже нет в живых, и наших не менее выдающихся современников.

Автор также робко надеется, что этот его скромный труд тоже однажды послужит для кого-то опорой, использовав которую получится ещё немного лучше понять Японию.

Приятного чтения.

ЧАСТЬ 1.
ИСТОРИЯ

Начинать всегда сложно.

Тем более когда начинаешь объяснять то, что не до конца выразимо словами, стараясь при этом оставаться в рамках научного дискурса, когда говоришь о том, что уже неоднократно рассказано и описано, пытаясь при этом сказать что-то своё и посмотреть на изученное и знакомое другими глазами. Предстоящий путь кажется невероятно долгим, чужая культура – потёмками, собственные знания – ничтожно малыми.

Но если верить старинной японской поговорке, утверждающей, что *сэнри-но мичи-мо ippo кара* (#########) – дорога длиной в тысячу *ри* начинается с первого шага, то дальше становится легче. Получается, самое сложное – именно эти открывающие слова, а впереди простирается бескрайний путь, который будет становиться легче и приятнее с каждой новой строкой, а к концу повествования принесёт удовольствие и читателям, и самому автору.

Если это и вправду так, то можно попробовать.

Первый раздел этой книги посвящён истории Японии от тех незапамятных времён, когда переселенцы из различных частей света, гонимые кто голодом, кто социальными трудностями, а кто просто жаждой приключений, начинают заселять почти необитаемый архипелаг до относительно недавнего оглушительного схлопывания японской экономики «мыльного пузыря» после десятилетий невероятных успехов, когда эта небольшая страна заполонила мир своими товарами и покупала американские небоскрёбы просто потому, что могла себе это позволить.

Этот путь был непрям и непрост, но знание о нём – первая ступень к тому, чтобы понять Японию и современных её обитателей. Оговоримся сразу: эта часть изобилует именами, которые трудно запомнить русскому уху и глазу, а также датами, событиями и фактами, которые покажутся кому-то необязательными. Однако всё это – скорее декоративные элементы, украшения и детали, позволяющие сделать эту историю интереснее и живее. Главное же – то, что должно проступать за ними: мощный каркас исторического процесса с его неизбежными закономерностями, где каждый новый этап непонятен без предыдущего, но вместе они складываются в единую картину, которая даёт представление о том, через что прошла эта страна и её жители перед тем, как предстать сегодня нашему взору.

В ходе дальнейшего повествования и в связи с самыми разными аспектами японской жизни и культуры мы будем неоднократно возвращаться к тому, что изложено в этой части, поскольку прошлое определяет современность гораздо больше, чем нам зачастую кажется. Ну и кроме того, история Японии, даже если смотреть на неё с позиции не историка, а простого обывателя, сама по себе очень интересна и заслуживает нашего внимания.

А теперь, наверное, пришло время делать первый шаг.

Глава 1.
Древняя Япония

В стране Ямато
Много разных гор,
Но выделяется из них красой одна
Гора небес – гора Кагуяма!
Когда на эту гору ты взойдёшь
И там просторы взором обведёшь, —
Среди равнин страны
Восходит дым густой,
Среди равнин морей
Взлетает чаек рой.
О, вот она – чудесная страна,
Заветный край мой – Акицусима,
Как крылья стрекозы, простёрты острова,
Страна Ямато – вот она!

«Манъёсю»
(VIII век. Песня, сложенная императором Дзёмэй
во время восхождения его на гору Кагуяма,
откуда он любовался страной)

Прежде чем начинать рассказ об истории Японии, хорошо бы на всякий случай ещё раз вспомнить и как следует осмыслить, где расположена эта страна. С одной стороны, вроде бы это прекрасно известно, с другой – кажется, не всегда этому фактору уделяется должное внимание.

Едва ли кто-нибудь станет спорить, что географическое положение, климатические особенности и рельеф территории очень сильно влияют на социально-психологические особенности местного населения, на историю и культуру, язык, гастрономические традиции, мышление и вообще на всё. А в случае Японии это особенно важно, поскольку условия, в которых зародилась и развивалась её цивилизация, весьма отличаются от тех, что были у большинства других стран, а значит, и результат развития будет отличаться столь же сильно.

Иными словами, можно сказать, что изящество и неповторимость японской культуры, высокий уровень её современного развития и столь разительная непохожесть на все другие страны во многом были сформированы именно географическими факторами и окружающей средой, в которой японский народ жил, работал, творил, развивался. И при их внимательном анализе мы сможем гораздо лучше понять, о каком народе пойдёт речь.

Япония – островная страна на востоке Азии (среди нескольких тысяч островов отчётливо выделяются четыре самых крупных – Хонсю, Кюсю, Сикоку и Хоккайдо), вытянутая на 3 тысячи километров с юго-запада на северо-восток. Её площадь – около 377 тысяч квадратных километров. (немногим больше площади, к примеру, Германии), но более 70 % всей этой земли составляют горы. По сути, японский архипелаг – это причудливо изогнутая горная гряда, вырастающая посреди океана.

Под этим архипелагом сходятся четыре тектонические плиты – фактор, который сильно увеличивает вероятность землетрясений и цунами. Климат, учитывая географическую протяжённость, весьма разнообразен: от субарктического на севере до субтропического на юге, но на большей части территории страны – умеренный и крайне приятный для жизни. Также на

климат влияют океанские течения: теплое Куросио с юга и холодное Оясио (Курильское) с севера. Много лесов, а вот природных ископаемых и полезных ресурсов – крайне мало[1].

Ещё тут много дождей и высокая влажность, и японцы в полной мере научились это использовать. Приспособив все хоть сколь-нибудь пригодные для сельского хозяйства земли для выращивания риса, они в итоге стали одними из самых эффективных фермеров в мире: благодаря обилию воды они в течение года могут собирать с одного поля два урожая: после сбора риса можно посадить какую-либо озимую культуру (в условиях Японии – в основном ячмень). Кроме того, комфортный климат, красота ландшафта и ярко выраженная смена времён года делают эту островную страну крайне приятной для проживания: аборигенов, селившихся тут в древности, в общем нетрудно понять.

Однако само по себе географическое положение, если отбросить красоту природы, далеко не идеальное. Тайфуны и цунами, обрушивающиеся на побережья, наносят немалый ущерб инфраструктуре и уносят многие жизни. Частые и обильные дожди хороши для земледелия, но вообще осадков в Японии традиционно очень много, включая могучие снегопады на севере страны. Разрушительные землетрясения, которые даже в XXI столетии японцы так пока и не научились предсказывать, случаются неожиданно, а время от времени землю шатает так сильно, что рушатся города и уничтожается вся прибрежная линия.

Помимо непростых тектонических условий, у расположения Японии существует ещё один существенный фактор: географическая изолированность. Япония оторвана от материка на значительно большее расстояние, чем Великобритания с другой его стороны, а это означает, что культурные контакты жителей архипелага с другими странами были всегда сильно затруднены и бурное и экстенсивное развитие цивилизации, бушевавшее на континенте, тут совершенно не ощущалось. Культурные обмены и взаимные влияния, захваты, переселения, войны и конфликты между племенами и народами – ничего из этого до японцев не долетало. Тут люди всегда жили в своём маленьком мире – как это принято сейчас говорить, «на своей волне». На ней же они живут и до сих пор, в эпоху всепобеждающей глобализации.

Японский язык также подтверждает мысль об оторванности японцев от остального мира, поскольку не похож ни на один другой мировой язык. Хотя его письменность основана на китайской иероглифике, японский язык похож на китайский в той же степени, что и на русский. Наиболее близким языком является корейский, но и тут можно говорить только о каких-то структурных сходствах.

Это изолированное положение имело и положительное влияние на развитие страны. Во-первых, море, окружающее японский архипелаг, давало в изобилии рыбу – источник животного белка – и возможность легко перемещаться между островами. Кроме того, географическая изоляция уберегла Японию от захватнических набегов и войн, предоставив людям спокойствие и размеренный ритм жизни, возможность любоваться природой, спокойно развиваться и творить.

Хотя существует расхожая точка зрения, согласно которой японская культура не столько самостоятельна, сколько сформирована заимствованиями из других культур (в первую очередь, конечно, китайской), это справедливо лишь отчасти. В истории этой страны периоды невероятного любопытства и интенсивного заимствования чередуются со столетиями замыкания в себе и полного разрыва контактов с внешним миром. Но в целом нельзя не отметить, что оторванность от континента сделала японцев крайне любопытными и восприимчивыми к новым знаниям.

---

[1] Справедливости ради надо отметить, что они были представлены на архипелаге в немалом разнообразии (золото, уголь, медь и т. д.), однако их запасов было немного, а труд стоил дорого. Для полноценного развития страны этого количества явно не хватало, и в итоге оказалось выгоднее ввозить их из-за рубежа.

Однако все заимствования Японии, если разобраться, представляют собой крайне интересный мировой феномен. Пришедшие извне культурные элементы начинают тут развиваться в условиях полной оторванности от внешнего мира, а поэтому происходит их неизбежная трансформация и результаты заимствований существенно отличаются от первоисточника.

Япония в этом плане представляет чуть ли не уникальный случай в мировой истории: обособленная этническая группа со своей уникальной культурой и языком, до определённого времени почти не участвующая в общем процессе развития мировой цивилизации, в один момент врывается в него, хотя и не может понять, в какой степени это благо, а в какой – опасность и вред.

Вполне вероятно, местные жители всегда ощущали свою непохожесть на окружающий мир с самого момента знакомства с ним, и эта особенность чувствуется при изучении истории этой страны. Как мы увидим, отношение японцев к иностранцам было противоречивым и сильно менялось в разные времена – от комплекса неполноценности до чувства превосходства, но географическая изолированность, безусловно, наложила большой отпечаток и на внешнюю политику страны, и даже на то, как сегодня японцы воспринимают себя в этом большом мире.

А теперь, когда место действия обозначено и все самые общие предпосылки известны, время начинать неспешную и увлекательную историю о том, как на далёких островах появляется удивительная цивилизация, так непохожая на все другие и удивляющая этот мир даже тогда, когда, кажется, сделать это не так просто.

Когда-то в незапамятные времена, более 20 тысяч лет тому назад, японский архипелаг ещё не был архипелагом в полном смысле этого слова.

Уровень мирового океана был тогда предположительно на 140 метров ниже нынешнего, современные острова были единым массивом суши, а территория Японии была соединена с материком сухопутными путями. По ним и начинают постепенно перебираться на будущий архипелаг его первые обитатели, открывая новые земли. И приходят они с севера.

Задолго до того, как в плавильном котле самых разных этнических культур сформировался такой этнос, как «японцы», и за долгие тысячелетия до начала христианской эры, на севере Японии (или, точнее, той территории, которую мы сейчас называем этим словом) расселился причудливый народ неизвестного происхождения – айны.

Хотя многие книги и источники утверждают, что айны населяли всю Японию, наиболее поздние исследования говорят о том, что область их обитания была всё же ограничена севером – современным островом Хоккайдо и регионом Тохоку – северо-востоком острова Хонсю. То есть, может, кто-то из них и добирался случайно до равнины Канто, где сегодня располагается столица страны, но массового характера это не приобретало.

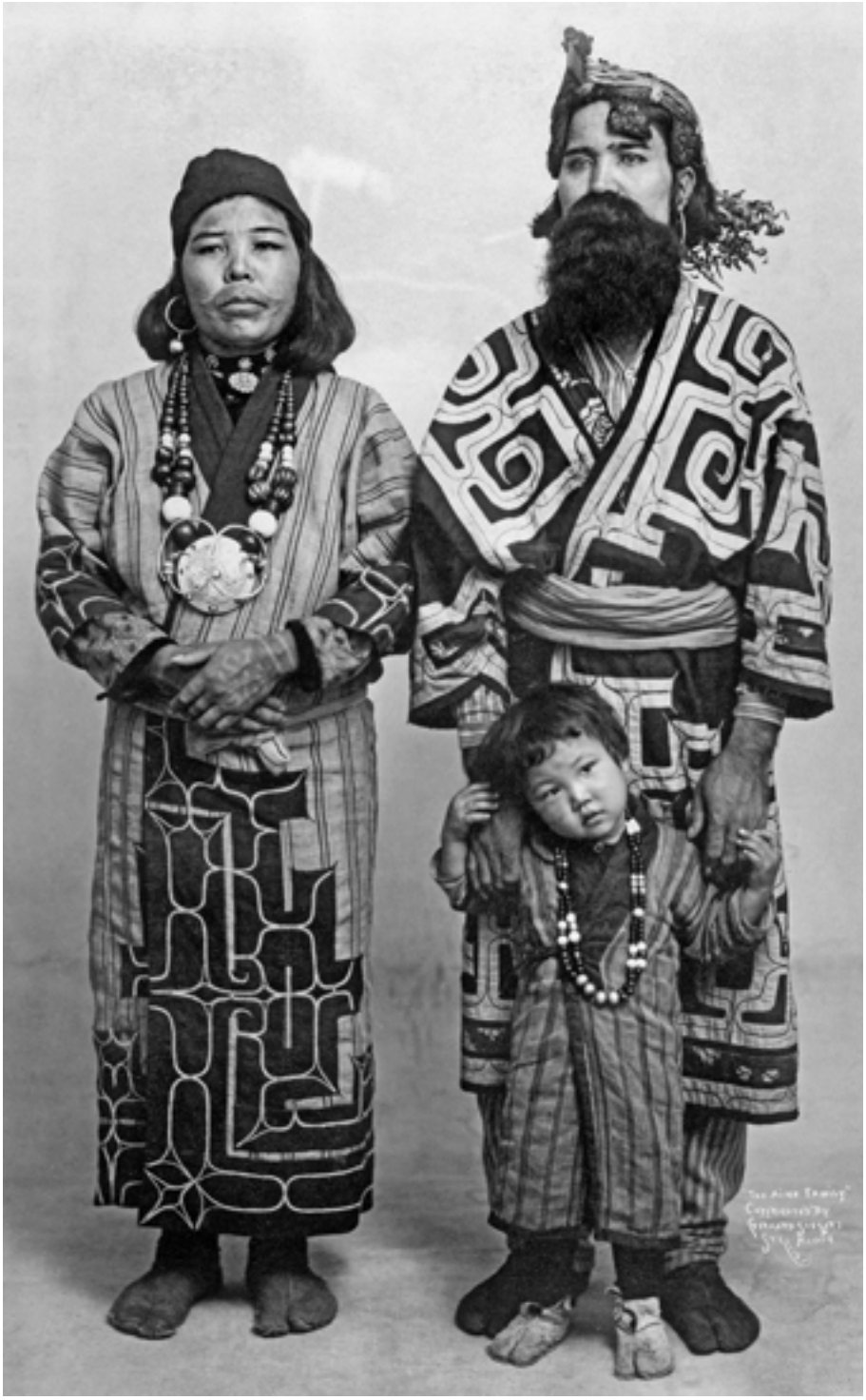
Айны – народ столь же удивительный, сколь и не похожий на японцев – уж скорее они похожи на русских. Хотя бы тем, что они были высокого роста, носили бороды и усы и поклонялись медведям[2]. Впрочем, их происхождение до сих пор вызывает вопросы: найдены некоторые генетические сходства с коренными народами Сибири и Дальнего Востока, в частности, с чукчами и ительменами (камчадалами), но по многим антропологическим показателям айны отличаются и от них, и от японцев, и от австронезийцев.

Основными их занятиями были охота, рыбалка да сбор ягод и кореньев в местных лесах. Охотились на оленей, барсуков, зайцев и лис. На медведей тоже, но к ним относились с особым

[2] Археолог и специалист по айнам, профессор университета Хоккайдо Като Хирофуми однажды в личной беседе в качестве примера близости русской и айнской культур привёл в пример сказку «Три медведя». По сюжету, как мы помним, Маша попадает в дом к медведям и обнаруживает, что они спят на кроватях, сидят за столами и едят из тарелок – т. е. являются абсолютно антропоморфными по многим признакам. Примечательно, что ни одно другое животное в русских сказках не может вести себя как человек. Все другие звери (зайцы, волки, лисы и т. д.) – это просто звери, а медведь – явно чуть больше, чем просто животное. Так и айны верили в то, что боги могут являться в наш мир, принимая медвежье обличье.

почтением. Те считались воплощениями на Земле духов *камуи*, которые даруют людям благополучие, значит, обращаться с ними следует особо. В этом отношении примечателен обряд *иомантэ* (на айнском языке это означало «провожание домой»), когда маленькие медвежата жили в деревне в особой клетке, за ним ухаживали, кормили и расчесывали шкуру – и всё для того, чтобы потом торжественно принести в жертву. Считалось, что духи медведей, поднявшись на небо, расскажут остальным камуи о том, как хорошо на Земле (а именно – в этой деревне), и те тоже захотят туда спуститься и одарить жителей счастьем и благополучием.

Удивительно выглядели и айнские женщины: у них была традиция наносить татуировки вокруг рта, образуя несколько жутковатую улыбку, напоминающую бэтмэновского Джокера.



Семья айнов в традиционных одеждах. Фото студии сестёр Герхард. 1904 г. Исторический музей Миссури, Сент-Луис, США

В итоге история оказалась по отношению к айнам не слишком добра. Японцы, не особо жалующие чужаков, тем более столь заметно отличающихся от них, начиная с VI столетия с айнами последовательно боролись, постепенно отодвигая границы их обитания всё севернее и севернее[3]. В какой-то момент те оказались вытеснены на северный остров Хоккайдо, где платили дань одному японскому княжеству, но в обмен на это относительно спокойно жили, охотились, ловили рыбу и поклонялись медведям: японскому правительству тогда особо не было до них дела. Однако, когда началось освоение Хоккайдо, айнам снова пришлось подвинуться, и это стало концом этого этноса в его чистом виде.

Сегодня редкие оставшиеся айны ассимилировались и встроились в японское общество, стали художниками и артистами, обзавелись японскими семьями, почти потеряв ту самобытность, которой всегда гордились. А японцы, наоборот, теперь спохватились, стали изучать айнский язык и мифы, посвящать им выставки и открывать музеи и культурные центры. Даже обнаружили, что многие слова в языке, и в частности топонимы, в их стране имеют айнские корни.

Этот древний период японской истории, о котором идёт речь, называется *Дзёмон*. В мировой археологической науке его принято называть «каменным веком» (или неолитом), однако японцы предпочитают использовать свой термин, гораздо более поэтичный.

Слово дзёмон (##) можно перевести с японского языка как «верёвочные узоры». Это необычное название появилось с лёгкой руки американского биолога Эдварда Морса, который изначально приехал в Японию изучать моллюсков, но в итоге прославился как археолог. В 1879 году он ехал на поезде из Иокогамы в Токио и заметил из окна странный холм. Заинтересовавшись, он со своими учениками провёл там раскопки и обнаружил «раковинную кучу» – доисторическую мусорную свалку на месте стоянки древних людей. Так в Японии начинается изучение истоков своей страны.

Кроме разных любопытных артефактов, ракушек и костей рыб и птиц, гарпунов и наконечников стрел, в раковинной куче были обнаружены черепки посуды, покрытой странными узорами, которые Морс назвал «верёвочными» (по-английски – cord-marked pottery). Японцы перевели это на свой язык, и так с подачи американского биолога это название получил целый период (при этом самый продолжительный в японской истории – примерно с 14 тысячелетия до н. э. по X в. до н. э.)[4].

Относительно веревки Морс был прав. Температура обжига керамики того времени была довольно низкой – около 600–800° (поэтому так мало посуды сохранилось: уж очень хрупкая), но зато на неё для красоты наносились узоры – или конопляными нитями, сплетёнными в верёвку, или просто ногтями. И если в начале дзёмон – это простой узор из горизонтальных полосок «ёлочкой», то с течением времени узоры становились всё более сложными, а декоративные элементы – всё более причудливыми.

Собственно, дзёмон известен в первую очередь своей керамикой – посудой, статуэтками людей и богов, чашами в виде пламени костра. Что в целом не удивительно: в регионе, где ещё нет ни государства, ни политики или экономики, керамика – одно из тех важных культурных достижений, которые определяют эпоху. (Иногда, впрочем, кажется, что даже когда есть и

[3] В этом отношении судьба айнов перекликается с судьбой коренных американских индейцев, которых европейские завоеватели загнали в резервации или ассимилировали.

[4] Долгое время считалось, что начало периода Дзёмон приходилось примерно на 3 тысячелетие до н. э., но недавние исследования доказали, что первая фаза каменного века в Японии началась значительно раньше.

политика, и экономика, и все остальные государственные атрибуты, всё равно спустя столетия определять эпоху будет керамика или те культурные элементы, на которые современники не всегда обращают должное внимание.)

Фукабачи. Средний Дзёмон (2600–1500 гг. до н. э.). Художественный музей Хаконэ, преф. Канагава, Япония

Надо отметить талант первобытных мастеров Японии: их произведения не просто функциональны, но ещё и визуально привлекательны. Особенно ярко это проявляется в чашах, края которых выполнены в форме языков пламени, в деталях в виде стилизованных изображений животных или человеческих лиц, в причудливом декоре. Не случайно шотландский археолог Нэйл Мунро (1863–1942), около полувека проживший в Японии, писал, что ранняя японская керамика «погружается в щедрые концепции форм и орнаментики, не превзойдённые, вероятно, нигде и никогда», и что «корни художественного таланта поздней Японии лежат в её доисторическом прошлом».

Глядя на артефакты, дошедшие до наших дней от эпохи Дзёмон, можно заметить: для первобытной неолитической цивилизации и в сравнении с глиняными изделиями других народов и культур на том же этапе развития японцы демонстрируют удивительное внимание к

деталям, смелость изображений, экспрессию – то, что мы сегодня называем словом «креативность».

Но говоря о красоте древней японской керамики, не нужно забывать и о бытовых изменениях, с ней связанных. Появление гончарного производства на территории Японии говорит о смене хозяйственного уклада внутри общества: у людей теперь есть возможности для хранения продуктов или употребления новых видов растительной и животной пищи благодаря её термической обработке. А это в свою очередь может приводить к изменениям внешнего вида и анатомических особенностей – например, исчезновению мощных выдающихся вперёд челюстей, без которых невозможно пережёвывать жёсткую пищу.

Подобные изменения в анатомии и быте первобытных людей неразрывно связаны с глобальными процессами и изменениями, которые в то время начинаются на территории всего земного шара. Происходит потепление, поднимается уровень океана, а уровень влажности повышается, и климат становится гораздо более похожим на нынешний. Архипелаг отделяется от суши, формируются острова и прибрежные отмели, благоприятные для размножения рыбы. Леса разрастаются и покрывают горы, население постепенно увеличивается, древние млекопитающие – олени, слоны и бизоны – напротив, начинают вымирать.

Археологические раскопки позволяют судить о том, как жили и чем занимались обитатели архипелага того времени. Они ловили рыб и диких зверей, ставили капканы, плели сети из растительных волокон, делали костяные гарпуны, каменные наконечники копий и стрел, выдалбливали из дерева лодки. Именно тогда начинает формироваться зависимость японцев от ресурсов моря – важнейшего источника животного белка, а значение охоты, наоборот, со временем продолжает уменьшаться.

Благодаря улучшению качества жизни (диверсификация продуктов питания, хранение пищи) население неуклонно растёт и к 3 тысячелетию до н. э. составляет, если верить данным японской археологии, около 260 тысяч человек. Может сперва показаться, что это не так много, но для острова в каменном веке эта цифра довольно внушительная.

Судя по всему, население в то время было довольно оседлым, при этом значительно бóльшая часть поселений и жилищ была сосредоточена в прибрежных районах, горные районы были заселены гораздо меньше. Сами жилища, как правило, представляли собой землянки в форме круга диаметром 4–5 метров с полом, углублённым в землю на 50–100 сантиметров, и с каменным очагом посередине.

О высокой степени оседлости могут свидетельствовать и наличие массовых захоронений недалеко от стоянок, и следы перестройки и изменения размеров жилищ. Это тоже одно из проявлений тенденции перехода от охоты к рыбной ловле: охотники и собиратели более склонны к кочевому образу жизни, а рыболовам это далеко не так выгодно.

Статуэтка догу. Конец периода Дзёмон (1 тыс. до н. э.). Находка из Камэгаока, преф. Аомори. Токийский национальный музей, Токио, Япония

На этапе Дзёмон происходит зарождение того этноса, который потом, впитав различные этнические и культурные влияния, станет японцами. Но пока что это были разрозненные племена охотников и собирателей, которые ещё не постигли ни земледелия, ни идеи государственности.

Зато они безусловно постигли веру в божественное и находящееся за пределами известного нам мира. Это становится понятно из тех немногих артефактов, что остались нам от того времени, – из статуэток *догу*.

Догу представляют собой небольшие фигурки примерно от 10 до 30 см высотой, как правило, выполненные в виде людей или животных. Всего на территории Японии их найдено порядка 15 тысяч штук, причём подавляющее большинство – в северо-восточной её части (где и развивалась культура Дзёмон). Их предназначение выяснено не до конца, но, по всей види-

мости, не обошлось без магических функций и участия в религиозных ритуалах. В частности, есть версия, что повреждённые догу (те, что были найдены без ног или рук) были разбиты специально – в рамках ритуала по излечению болезни той части тела, что была разбита.

Одна из наиболее известных статуэток, найденных в районе современной префектуры Аомори на севере острова Хонсю, изображает антропоморфное существо с широкими бёдрами и огромными глазами, больше похожее на инопланетянина, чем на человека. Особенно удивительны эти огромные глаза на пол-лица, так странно рифмующиеся с появившимися спустя тысячелетия большими глазами персонажей в японской анимации. Впрочем, объясняется эта черта довольно просто: север Хонсю – очень суровый край с жестокими зимами, сильными снегопадами и огромными сугробами. Изображаемое существо – вовсе не инопланетянин, а простой человек, использующий для защиты от летящего в лицо снега деревянную маску с прорезями для глаз. Впрочем, даже если знать это, статуэтка выглядит всё равно удивительно, как и многие другие догу, сохранившиеся с тех незапамятных времён.

Сложно сказать, когда именно заканчивается одна древняя эпоха и начинается другая, но эта смена эпох определённо была связана со следующей интенсивной волной миграции на японский архипелаг, и на этот раз – на его юг, со стороны Китая и Корейского полуострова. Вместе с новыми переселенцами на территорию Японии попадает та самая до этого никому не известная цивилизация – точнее, её отдельные проявления, которых тем не менее было достаточно для того, чтобы первобытная жизнь начала меняться.

То, что массы мигрантов хлынули на японские острова в поисках лучшей жизни, – следствие бурной политической ситуации на материке: конец Циньской империи, начало империи Хань, жестокие войны на Корейском полуострове. В этих реалиях отдалённые и не особо заселённые острова видятся людям, уставшим от политических волнений, не таким уж плохим местом для обитания. И надо признать, что быт редких обитателей архипелага, которые в тот момент вели фактически первобытный образ жизни, это массовое пришествие изменило до неузнаваемости.

Во-первых, вновь прибывшие переселенцы начинают выращивать рис, применяя технологии заливного рисосеяния, и постепенно выясняется, что территория Японии крайне располагает к такому способу ведения земледельческого хозяйства. Рис поменял историю страны и характер её обитателей, окончательно превратил охотников в земледельцев, стал основой и других масштабных изменений.

Во-вторых, они больше не довольствуются глиной как основным материалом. Ей на смену приходят железные и бронзовые изделия, появляются новые формы и виды предметов: мечи, колокола, зеркала. А глиняные сосуды начинают теперь обжигать при более высокой температуре, и они становятся более прочными и долговечными. Только вот выглядят они теперь гораздо проще, без огненных чаш и причудливых орнаментов. Так материковые технологии и знания пришли на смену яркой первобытной экспрессии.

Кроме рисосеяния и изделий из металла, попавших в это время на японский архипелаг, встречаются и другие следы материкового влияния: одежда, орнаменты, монеты и другие диковинные проявления человеческой мысли и творчества. Это ещё пока не оформившееся, но уже явное начало изменения Японии под влиянием китайской цивилизации, которая впоследствии станет тут синонимом всего самого продвинутого и идеального.

Этот период, связанный с проникновением на японский архипелаг материковой цивилизации (X в. до н. э. – III в. н. э.)[5], носит название *Яёй* – в честь района в Токио, где в конце XIX века был обнаружен сосуд, относящийся к новому типу керамики. В этом даже можно увидеть

[5] Раньше считалось, что период Яёй начался в III веке до н. э., но вместе с периодом Дзёмон нижняя граница этого периода также сместилась ниже – примерно к X веку до н. э. (по некоторым теориям – к V веку до н. э.). В любом случае, контакты обитателей архипелага с материковой цивилизацией начались значительно раньше, чем считалось до этого.

что-то не совсем логичное, поскольку эта новая культура появилась не в столице, а гораздо южнее – на острове Кюсю, и к тому же далеко не керамика определяет эту временную эпоху, а гораздо более глубинные изменения. Но название, предложенное маститыми археологами, так и осталось на века.

Обширные изменения, происходившие в то время, были связаны не только с жизнью и бытом обитателей архипелага, но и с его экосистемой. Переселенцев с материка не устраивает японский ландшафт, совершенно не подходящий для выращивания риса, и они начинают подстраивать его под себя. Если раньше по всей территории страны росли густые широколиственные леса (а влажный климат весьма этому способствовал), то в начале новой эры их стали последовательно уничтожать, чтобы сделать эту непроходимую территорию более пригодной для земледелия. Вместо них появляются хвойные породы, например, сосны, столь часто воспетые впоследствии в японской классической поэзии.

Однако технология заливного рисосеяния, которую начинают развивать новые обитатели архипелага на приведённой ими в порядок территории, не так проста и требует от людей значительных усилий. Для того чтобы вырубить леса, чтобы построить многоуровневые террасы, чтобы обеспечить их ирригацией, необходим масштабный коллективный труд большого числа людей – иначе такой глобальный проект просто не вытянуть. Это можно считать началом того знаменитого японского трудолюбия и коллективизма, которые хорошо известны сегодня всему миру (рис и его влияние на жизнь страны будут подробнее рассмотрены в главе про японскую кухню).

Большую роль в развитии цивилизации также сыграло проникновение в быт людей железа и бронзы. Железные мечи, топоры, резцы, серпы и рыболовные крючки оказываются прочнее и функциональнее, чем их каменные и костяные аналоги, что значительно улучшает результаты охоты и рыбной ловли, и повседневная жизнь становится более удобной. И если вначале использовались инструменты, привезённые с материка, то со временем появляются и собственное металлургическое производство, и добыча руды.

Бронзовые изделия тоже использовались, но не в практических, а скорее в ритуальных целях: бронза и на континенте традиционно считалась более престижной. Однако в Японии многие предметы получают локальное осмысление: например, корейские бронзовые колокольчики из мелодичного музыкального инструмента постепенно превращаются в огромные ритуальные колокола, увеличившись в размере примерно в десять раз.

Бронзовые зеркала стали тоже на порядок больше тех, что были в Китае: есть версия, что они символизировали солнечный круг. Характерно, что и сегодня зеркало – одна из священных императорских регалий Японии. В каких-то регионах встречаются бронзовые мечи, но и они, судя по всему, играли ритуальную функцию, являясь скорее символом власти, нежели боевым оружием.

С распространением рисосеяния и металлургического производства на юго-западе страны там неизбежно увеличивается плотность населения и растёт его количество. Поселения становятся всё более крупными, в некоторых уже живёт около тысячи человек. Новая цивилизация всё серьёзнее укрепляется на архипелаге, распространяя своё влияние всё шире и шире.

Со временем некоторые мощные кланы, развивавшиеся на южном острове Кюсю, начинают постепенно продвигаться на север, распространяя там своё влияние. И хотя этот процесс был скорее перманентной борьбой за власть разных племён, каждое из которых стремилось завоевать господство над остальными, тем не менее благодаря этому в Японии со временем появится прообраз централизованного государства. Таким образом, как можно заметить, активные и пассионарные переселенцы, заселяющие архипелаг в период Яёй, оказались куда более мощным фактором для развития японской цивилизации, чем люди Дзёмон, обитавшие на севере архипелага.

Бронзовое зеркало. Период Кофун (IV в.). Британский музей, Лондон.
© The Trustees of the British Museum

До определённого времени эти столь разные культуры почти не встречаются, поскольку живут на значительном расстоянии друг от друга; должно пройти немало времени для того чтобы страна оказалась освоена до такой степени, что контакты между ними стали неизбежными. Пока же на севере обитают значительно менее развитые племена – они не возделывают землю и не получают знания из-за океана, зато по старинке ловят и едят рыбу, собирают орехи, обжигают глину, не подозревая, что жизнь может быть хоть сколько-нибудь иной.

Различия между этими культурами настолько сильны, что даже сегодня в Японии можно отличить «человека дзёмон» от «человека яёй». У последних – более вытянутая форма черепа, широкие ноздри и приплюснутый нос, и обитают они в основном в центральной и западной Японии. Если и говорят иногда, что японцы для нас «на одно лицо», на самом деле всё, конечно, совсем не так.

Однако не нужно забывать и о том, что было и ещё одно направление, по которому шёл приток представителей новых этносов в Японию. Вместе с течением Куросио на простых долблёных лодках туда приплывают в поиске новых земель жители племён с далёких островов Полинезии и Микронезии. В сравнении с переселенцами с материка они не представляли особо развитой цивилизации, зато привезли с собой важные знания о мореплавании и рыболовстве. С ними же прибыли и новые божества, со временем влившиеся в пантеон синтоизма. Одно

из самых известных – улыбчивый толстяк с удочкой по имени Эбису, покровитель богатства и рыбной ловли.

Таким образом, японский архипелаг на тот момент представлял собой плавильный котёл самых разных цивилизаций и этносов, территорию, где происходило удивительное смешение традиций и культур, аналоги которому едва ли можно встретить в мировой истории. Не нужно и удивляться тому, что в результате этого смешения получилась такая самобытная и ни на что не похожая культура.

О том, как жили тогда островитяне, мы можем узнать из древних китайских хроник, от путешественников, описавших быт, нравы и обычаи в стране в то время. Ситуация по их описаниям выглядит следующим образом: в Японии живут разные разрозненные племена, их около тридцати, и они объединены под властью жрицы-шаманки по имени Химико. Это государство они называют Яматай.

Эта жрица – весьма странная и непростая: живёт в отдельном высоком тереме, общается с богами и через мужчину-прислужника передаёт их повеления народу. Видеть её никто не может, но все очень уважают. И при этом, нужно отметить, Химико правит абсолютно официально: она получила мандат от императора Вэй на правление людьми «ва». Так китайцы называли тогда японцев[6].

Свидетельства об образе жизни людей «ва» тоже дошли до нас благодаря этим хроникам и могут считаться первыми в истории достоверными[7] описаниями жизни и быта японского народа. Вот как описывали японцев в III веке н. э. путешественники из Китая:

«…Они берут пищу руками, но кладут её на деревянные подносы и доски. Ходить босиком – общий обычай. Уважение демонстрируется сидением на корточках. Они много пьянствуют. Они – долго живущий народ, и очень многие достигают столетнего возраста. Все мужчины высокого положения имеют по четыре или по пять жён, другие – две-три. Женщины верны и не ревнивы. Там нет грабежей и воровства и тяжбы нечасты. Жёны и дети у преступивших закон отнимаются, а за тяжкие преступления семья преступника истребляется. Траур длится лишь десять дней, в течение которых члены семьи постятся, плачут и скорбят, в то время как их друзья поют, танцуют и играют на музыкальных инструментах. Они практикуют гадание на жжёных костях, и по ним они выясняют, хорошая или плохая их ждёт судьба. Когда им предстоят путешествия или поездки, они назначают человека, которого величают «хранитель удачи». Ему не позволяют причёсываться, мыться, есть мясо и приближаться к женщинам. Когда они удачливы и благополучно возвращаются, они делают ему ценные подарки, но, если они заболевают или сталкиваются с несчастьем, они относят это к плохому соблюдению клятвы хранителем удачи и предают его смерти».

Можно представить себе, с каким изумлением китайцы, чья цивилизация уже тогда находилась на недосягаемо высоком уровне, взирали на эти странные обычаи. Таинственная шаманка во главе страны – как далеко это было от конфуцианских идеалов, на которых они были воспитаны.

---

[6] Что характерно, этот слог до сих пор означает всё японское в противовес всему западному и в этом контексте записывается иероглифом #: *васицу* (##) – японская комната, *васёку* (##) – японская кухня, *вагаси* (###) – японские сладости и т. д. Таким образом, можно предполагать, что через него произошло формирование и осознание японцами своей национальной идентичности в противовес всему остальному миру.

[7] Впрочем, А. Н. Мещеряков и М. В. Грачёв в «Истории древней Японии» приводят аргументы в пользу того, что эти источники могут быть предвзяты, поскольку китайцам было выгодно представить их островных соседей в умышленно невыгодном свете.

Однако, несмотря на довольно невысокий уровень развития цивилизации, японцы активно участвуют во внешней политике региона. В то время между тремя корейскими княжествами – Когурё, Пэкче и Силла – идут кровавые бои за власть на полуострове, и Япония не может оставаться в стороне: она вступает в коалиции, участвует в войнах, даже захватывает земли на материке и устанавливает там своё владычество. Между представителями правящих домов Японии и Кореи в то время неоднократно заключались браки. Учитывая всё это, можно даже согласиться с Джорджем Сэнсомом[8], который говорит, что «изоляция Японии – сравнительно поздний исторический феномен»[9].

Также история хранит упоминания о «пяти царях Ва» – пяти японских императорах, которые отправляли посольства в Китай с просьбами признать их правление законным. Подобная бумага как бы позволяла правящему в Японии клану править официально – то есть по сути в отсутствие своей легитимности пользоваться чужой для укрепления своих позиций. Безусловно, наличие этого символического мандата на власть не могло не влиять на баланс сил в регионе.

Разумеется, там, где только начинает формироваться государство, эта бумага, скорее всего, носила условный характер, однако факт этих посольств может говорить как о том, что к этому времени один клан на островах стал явно сильнее остальных, так и об огромном авторитете древнего и великого Китая для всех других племён, пытавшихся выстраивать политику в этом регионе.

Ещё одно важное событие происходит, согласно летописям, в 391 году, когда к японскому двору прибывает делегация из Пэкче, а в её составе – некий учёный Акичи, которого японские правители попросили рекомендовать какого-нибудь великого китайского учёного для воспитания их престолонаследника. Таким человеком стал писец по имени Вани, про которого говорили, что «не было ни одной книги, которой бы он не постиг», но тут важна не столько личность воспитателя, сколько само это событие.

С этого момента японское государство официально признаёт культурное господство Китая и начинается период заимствования и учёбы у китайской цивилизации, когда в Японию попадут письменность, религия, архитектура и многие другие достижения этой древней культуры. Это культурное донорство и уникальная возможность реализации чужих идей в собственных условиях позволят японцам в один момент сравняться с их материковыми соседями.

Вместе с этим всё отчётливее и крепче устанавливается верховная власть: конкурирующие между собой кланы постепенно начинают понимать, что нужно консолидироваться, чтобы стать сильнее. А чтобы консолидироваться, неизбежно нужно признать кого-то самым главным и покориться ему; и более того – чем раньше закрепить своё место в этой всё отчётливее формирующейся системе, тем больше политических дивидендов это может в будущем принести. Разумеется, это была идея государства на самом зачаточном уровне, но где-то здесь и зарождается концепция «Японии» как страны, которую мы знаем сегодня.

Этот период колоссальных политических изменений в японской историографии называется *Кофун*. И назван он так в честь курганов, в которых хоронили императоров, вождей племён и других важных людей.

Даты смены периода Яёй на период Кофун весьма условны и расплывчаты, но принято полагать, что граница проходит приблизительно в IV столетии. Впрочем, в случае со столь древними эпохами это можно считать условностью, важной скорее для того, чтобы хоть как-то объяснять и систематизировать естественный и неделимый исторический процесс.

---

[8] Английский дипломат и историк (1883–1965), известность которому принесла книга «Япония: краткая история культуры» (1931) – одна из классических западных книг о японской истории.

[9] Любопытно, что весь исторический «экшн» разворачивался в то время вокруг Японского моря. Такой разительный контраст с нашими днями, когда всё развитие сконцентрировано со стороны Тихого океана, а западное побережье Японии называется *Уранихон* (###, «изнанка Японии») и запустевает всё возрастающими темпами.

Любопытный читатель, возможно, обратит внимание на название этого исторического периода. Это может показаться немного странным: период политического формирования страны, когда в Японии устанавливается подобие верховной власти, когда происходят активные контакты с материком и впервые начинают проявляться необычность и самобытность японской культуры, получает название в честь могильных курганов. В связи с этим не может не вспомниться Лафкадио Хёрн с его важной и немного загадочной мыслью о том, что «во всех отношениях мёртвые значительно больше, чем живые, были правителями этой страны и сформировали её судьбу».

Разумеется, Япония не является единственной страной, где исторический период впоследствии назван в честь могильных захоронений, но, если знать, как эти *кофуны* выглядели и строились, становится понятно: курганы появляются в названии эпохи совершенно неслучайно. Во-первых, они являются свидетельством несомненного развития культуры и появления религиозного сознания: идея почитания загробной жизни и благоговейное трепетное уважение к умершим – это то, с чего начинается зрелая религия. Во-вторых, они доказывают существование централизованного государства, потому что только оно может развернуть государственное строительство такого масштаба, а также демонстрировать чёткую социальную стратификацию – разделение между теми, кого торжественно хоронят, и теми, кто в поте лица должен это обеспечивать. В-третьих, они безусловно привлекают внимание тех, кто с ними сталкивается.

Кофуны бывают самых разных размеров и форм: от сложенных друг на друга огромных каменных плит или земельных насыпей, мелькающих между огородами и магазинами на задворках префектуры Миядзаки на юге Кюсю, до гигантского и самого известного в Японии кургана – захоронения императора Нинтоку около Осаки, видного даже из космоса. Своими очертаниями он напоминает замочную скважину, эта форма является очень популярной у захоронений в районе современной Нары в западной Японии и, по-видимому, наиболее престижной.

Дайсэн Кофун – место захоронения императора Нинтоку (V в.). Сакаи, преф. Осака, Япония

Многие кофуны были окружены изгородью из небольших статуэток, называемых *ханива*. Это слово означает «глиняные круги», что напрямую связано с техникой их изготовления. Влажную глину раскатывали в длинную палку-цилиндр, потом вынимали середину, полученные кольца складывали в столбик друг на друга, а швы между ними заглаживали пальцами. Так получались скульптуры полые внутри, что должно было избавить их от растрескивания при обжиге.

Есть версия, согласно которой эти скульптуры призваны были заменить собой человеческие жертвы при погребении, однако человеческие изображения появляются сравнительно поздно, что может ставить эту версию под сомнение. Самые ранние изобразительные ханива – это дома, по архитектурному стилю похожие на строения тех времён. Ещё популярны были ханива-лодки: по всей вероятности, лодка ассоциировалась с переправой в загробный мир. Также обнаружено большое количество ханива-животных и птиц – больше всего собак и лошадей. Предполагают, что они символизировали то, чем начинал обладать умерший после смерти: маленькие фигурки изображали реальные предметы, просто в загробном мире.

В поздний кофун, в VI–VII столетиях, ханива начинают уступать место украшению росписями. Так в Такамацудзука-кофун, высота которого составляет 5 метров, на потолке изображено звёздное небо, а на стенах – реальные и мифические животные в соответствии с четырьмя сторонами света.

Эти захоронения можно встретить в Японии и сегодня: более 100 тысяч больших и маленьких кофунов разбросано по разным краям страны, включая небольшие отдалённые ост-

рова, и даже, что любопытно, часть находится на юге Кореи (влияние политического присутствия японского государства на корейском полуострове). А вот север Японии и тут показывает свою изолированность от глобальных процессов, происходивших в стране: в Сэндае ещё можно встретить кофуны, но севернее – уже нет. Таким образом, география этих захоронений даёт представление о территории японского государства в то время.

Появление этих захоронений говорит и о новом этапе развития японского государства, в котором раздробленная родоплеменная система общества постепенно уступает место монархической. Хотя до того, как на территории Японии появится полноценное государство, должно пройти ещё несколько столетий, уже тогда видны результаты военных столкновений и дипломатических договорённостей. Появляется один самый мощный клан, владычество которого начали признавать и другие: теперь он не просто получает бумаги из Китая, но и может руководить масштабными государственными проектами типа строительства гигантских гробниц.

Этот род называется Ямато – его имя даёт название и первому японскому государству. Так одно из многочисленных племён, пришедших с материка на Кюсю в поисках лучшей жизни, постепенно подчиняет себе все остальные племена.

Неслучайно первым легендарным японским героем стал персонаж по имени Ямато Такэру, куда больше похожий на вымысел, чем на реальную историческую личность. Рассказы о нём встречаются в обоих мифологических сводах древней Японии – «Кодзики» и «Нихон сёки», и в обоих он предстаёт бесстрашным воителем, покорявшим чужеземные племена и подчиняя их власти рода Ямато. Также обращает на себя внимание его необузданный буйный нрав.

Отцом героя был легендарный 12-й император Кэйко[10]. Однажды он спросил своего сына, почему его старший брат перестал появляться на трапезах, и попросил передать ему отеческое недовольство. Реакция Ямато Такэру оказалась не такой, на какую можно было бы рассчитывать. Через несколько дней, когда Кэйко снова заметил, что давно не видел своего старшего сына, он бесхитростно ответил, что уже разобрался с этой проблемой: «Рано утром, когда мой брат прошёл во внутренние покои, я уже ждал его в засаде. Я схватил его, разодрал на куски, оторвал конечности, завернул их в соломенные циновки и выбросил вон».

Как ни крути, неожиданно суровое наказание – тем более для родного брата. Тогда император смекнул, что подобная агрессивность была бы уместнее против непокорных племён, нежели против своих родных и близких, и направил сына на Кюсю, сражаться с *кумасо*. Этим словом назывались племена, которые этнически были похожи на Ямато, но жили дикой и непокорной жизнью, не платили налоги и совершенно не желали существовать в рамках развивающейся цивилизации. Их подчинение (и уничтожение не желавших подчиняться) было одним из важнейших направлений государственной политики страны примерно до VIII столетия.

Ещё одним из подвигов Ямато Такэру является его победа над богатырём Идзумо Такэру[11], которая была им одержана не в результате военной доблести, а благодаря хитрости. Сперва он обменялся с ним клятвой о дружбе, а затем предложил своему новому другу торжественно обменяться мечами и скрестить их в дружеском поединке. От Идзумо он получил острый наточенный меч, а сам дал ему заранее заготовленную деревянную имитацию меча, после чего заколоть доверчивого оппонента не представляло особых сложностей.

Миф о Ямато Такэру, беспрестанно воевавшем по приказу своего отца и ставшем в итоге трагическим героем, обречённым на бесконечные сражения, потерявшим жену и погибающим от болезни в холодных горах Синано, в числе прочего говорит о значительных военных победах Ямато и о консолидации населения страны под их властью. Хотя «Кодзики» относит эти

[10] Кэйко – подобно другим императорам древности тоже скорее мифологическая фигура. То, что про него известно, связано скорее с жизнелюбием монарха: мы знаем, что он дожил до 106 лет, имел восемьдесят детей и был женат на своей праправнучке.

[11] Он, очевидно, олицетворяет племя Идзумо – одного из главных конкурентов Ямато за верховную власть в стране.

события к первому столетию, есть основания полагать, что активное покорение непокорных соседей относилось скорее к четвёртому, а персонаж Ямато Такэру – собирательный образ военачальников того времени.

По итогам этих военных кампаний лидеры Ямато в то время владели значительной территорией, включавшей острова Кюсю и Сикоку и остров Хонсю чуть ли не до равнины Канто (современный Токио и окрестности), и осуществляли правление через наиболее верных подданных из числа покорившихся им племён.

Эти племена по-японски называются *удзи*, и слово это в древней японской истории очень важное: оно появится ещё раз, когда речь пойдёт о формировании японской религии. Кланы, обладавшие определённой автономией за признание преданности клану Ямато, получали во владение значительные территории и претворяли там в жизнь политику верховной власти.

В государстве, состоявшем из клановых групп, императорский род имел наибольшие преимущества в силу ряда причин, но во многом это связано с тем, что глава этого рода почитался ещё и как верховный жрец: ритуальная составляющая была тогда сильнее политической. Именно в то время формируется культ Солнечной Богини как верховного божества, ставший идеологической основой японского государства.

Религия *синто* (##, «путь богов») безусловно является ключевой для понимания японского общества с древнейших времён и до наших дней. Являясь по сути многобожием (стоит заметить, что идеи единого бога в Японии не появилось по сей день) и первобытным верованием в могущество сил природы, синто тем не менее стало ключевым элементом японского сознания. В основе синто лежит идея божеств *ками* (можно заметить схожесть с айнским словом *камуи*), обитающих вокруг нас, и главным из них является богиня солнца Аматэрасу. Именно ей подчиняются все остальные мириады богов, – а значит, и люди тоже.

Однако кроме религиозных мотивов, у объединения Японии под властью одного рода были и довольно прагматические: императорский род являлся официальным представителем всех остальных японских кланов на мировой арене, что неизбежно заставляло относиться к нему с уважением. Иными словами, с древнейших времён верховная власть в Японии была тесно связана с религией, что, впрочем, было свойственно политическим институтам древности. Удивительно скорее то, что даже сейчас, когда мир в основном отошёл от таких взглядов, священная верховная власть японского императорского рода носит скорее религиозную функцию, нежели политическую.

Особо важные кланы, которые помогли в своё время Ямато прийти к власти, теперь получили за эту помощь высокое положение в государственной иерархии, а также упоминание о своём божественном происхождении в древних хрониках. В зависимости от близости к правящему роду, главам этих кланов достаются первые политические должности: *о-оми* – высшие министры, *о-мурадзи* – высокопоставленные чиновники.

Так были заложены две основы политической системы древней Японии, закрепившиеся на многие столетия. Во-первых, это теснейшая связь религии и политики, древних мифов и реальной власти. Даже сегодня 126-й император Нарухито, чья династия непрерывно правит Японией и является древнейшей в мире, возводит своё происхождение к Солнечной Богине Аматэрасу, а его дальним предком считается полумифический император Дзимму.

Во-вторых, люди оказываются у власти благодаря своему происхождению, и этот принцип аристократизма становится определяющим на много столетий вперёд. Возможности двигаться по службе в соответствии со своими способностями японское государство не будет предоставлять людям ещё очень долго.

Эту систему историки впоследствии будут обозначать двумя словами: *удзи-кабанэ*, где *удзи* – это род, а *кабанэ* – название титула, который был пожалован главе клана верховным правителем. Это и самая первая политическая система, появившаяся в японском государстве,

и самая первая попытка жителей архипелага упорядочить существовавшие между ними политические отношения.

Тем не менее говорить о полном подчинении всех племён, живших тогда на территории страны, одному пока всё же несколько преждевременно. Скорее всего, тогда по населённой территории архипелага были разбросаны отдельные укрепления и поселения с разной степенью самостоятельности и со своими отношениями друг с другом (от самых дружественных до самых агрессивных), а самый главный род, который сегодня мы называем «императорским», просто имел наибольшую поддержку среди других племён и получал из Китая официальные документы, дающие право на власть.

При этом нужно помнить: на северо-востоке, выше современного Токио, жили совершенно другие племена и царили другие порядки. Это чужаки *эмиси*, говорящие на незнакомом языке и практикующие другие обычаи. В тех краях ещё почти не выращивают рис и хоронят людей, просто бросая в ямы. Это те самые «люди Дзёмон», среди которых встречаются и знакомые нам айны, спокойно осваивавшие северо-восток архипелага, пока южные племена, не жалея сил и людей, борются за власть и место под солнцем.

Цивилизация с юга страны на север распространяется не очень быстро, но, когда первые контакты наконец происходят, отношение со стороны молодого и амбициозного государства Ямато очевидно: там, на севере, живут чужаки, они не платят нам дань, они варвары. И поскольку территория страны неуклонно расширяется, а договориться с этими людьми не представляется возможным в силу различия *вообще во всём*, – их надо или покорять, или уничтожать.

Северо-восточные варвары, впрочем, тоже относились к южанам без особой симпатии. Войны с эмиси стали вполне обычным делом для истории японского государства, и символическое деление страны на запад и восток[12] тоже во многом берет начало именно оттуда.

Традиция возводить огромные курганы, символизирующие высокий статус похороненных там людей, постепенно уходит в прошлое. Связано это было с тем, что страна развивалась и жизнь шла вперёд: буддизм, начавший оказывать огромное культурное влияние на политику и общественное мнение, постепенно вытеснил этих гигантов и сделал их пережитками прошлого – они для новой цивилизации были слишком архаичными, слишком примитивными, слишком не подходящими той новой и цивилизованной стране, которой Япония постепенно становилась.

Период Кофун заканчивается, по одной версии, в 538 году (год официального появления буддизма в Японии, хотя на самом деле он был известен и до этого), по другой – в 592 году. Следующий период, который называется Асука, примечателен ещё более серьёзными внешними заимствованиями, развитием государственности, укреплением власти единственного правящего рода. Его можно считать завершением перехода от доисторического конгломерата различных племён, объединённых относительно центральной властью и верой в божественную силу умерших предков, к той стране, которую можно назвать Японией в нашем понимании этого слова.

Само название происходит от названия местности: Асука – так называлось село к югу от современной Нары, где были найдены следы императорских столиц и дворцов. А надо отметить, что столиц в древней Японии было очень много, и менялись они постоянно, поскольку со смертью каждого нового императора место его правления объявлялось нечистым и нужно было срочно переезжать туда, где не было загрязнения. И в этом следовании религиозным верова-

[12] Это деление существует и явственно ощущается сегодня, проявляясь даже в названии столицы, поскольку Токио (# #) – это «Восточная столица». (Подразумевается, что Западная столица – это Киото.) Об этом противопоставлении нужно помнить, изучая историю страны: японцы не всегда были японцами: это разные племена и разные нравы, долго привыкавшие друг к другу, перед тем как сформировать единый этнос.

ниям, несмотря на всё их практическое неудобство, можно увидеть незрелость японского государства на тот момент: постоянная столица – это всё же важный элемент верховной власти.

Поскольку перенос столицы – слишком масштабное мероприятие, чтобы предпринимать для этого слишком далёкие переходы, их строили примерно в одном месте, и в этот момент политический центр фиксируется в районе равнины Асука. На западе страны он останется надолго – до XVII столетия, пока не передвинется к Токийскому заливу, где и находится до сих пор.

Когда мы говорим о древней Японии (впрочем, как и о последующих этапах её развития), следует всегда учитывать огромное влияние Китая. Степень этого влияния трудно себе даже представить, поскольку оно проявилось во всём – от государственного устройства до эстетических принципов. Японцы на всём протяжении своей истории демонстрируют склонность к заимствованию и внедрению тех заграничных достижений, которые превосходили их собственные, и Китай – безусловно, важнейший культурный донор и источник вдохновения.

По этой причине часто высказывается точка зрения, что японцы – нация не столько создающая и креативная, сколько умело заимствующая придуманное другими. В этом отчасти есть резон: Япония действительно впитала очень многие достижения и изобретения Китая (а впоследствии Европы и Америки) и, несколько видоизменив и приспособив к местным реалиям и нуждам, сделала своими. Когда мы говорим о традиционной японской культуре и вспоминаем её самые важные элементы, с очень большой вероятностью они будут не исконно японскими.

Икэбана и оригами, чайная церемония и каллиграфия, архитектурные элементы храмов и игра в го, письменность, структура министерств и одежда простых людей – всё это было привезено японцами из-за рубежа, но многое из этого удивительным образом известно в мире как созданное в Японии. В этом, конечно, и состоит японский гений: удачное подражание приводит к тому, что копии становятся изящнее оригиналов, а японская культура зачастую покоряет мир не гениальными новыми идеями, а изысканным воплощением в жизнь идей, придуманных кем-то ещё.

Впрочем, мнение о японцах как о нации не креативной, а лишь умело заимствующей, справедливо не полностью; иначе невозможно объяснить самобытность этой культуры, проявившуюся в причудливых статуэтках догу, в лаконичной поэзии, в эстетических принципах эпохи *Хэйан*, которые, очевидно, нигде не были подсмотрены, а появились каким-то неведомым образом в головах у местных жителей. Кроме того, как уже говорилось, периоды слепого заимствования и подражания в японской истории перемежались со столетиями разрыва всех контактов с другими странами, изоляцией и попыткой осмыслить уже узнанное.

Однако в тот момент, когда японцы впервые увидели Китай, желание повторить, воссоздать, сделать так же, пожалуй, было самой естественной реакцией. Их несложно понять, если вспомнить, что Япония тогда представляла собой фактически первобытную цивилизацию с верой в сверхъестественные силы и огромными курганами, а Китай был на тот момент без преувеличения наиболее богатой, могущественной и технически продвинутой страной во всём мире, куда благодаря Великому Шёлковому пути стекались культурные достижения со всего материка.

Римляне, греки, арабы, персы, слоны и жирафы, причудливые наряды и красивые величественные здания – когда японцы впервые попадают в этот яркий и удивительный мир, у них загораются глаза. Они вдруг отчётливо понимают собственное ничтожество в сравнении с этой грандиозной цивилизацией и хотят всеми правдами и неправдами *всё это* забрать к себе, чтобы тоже стать такими же великими и мощными.

Этим и объясняется довольно бездумная на первых порах политика культурных заимствований из Китая. Она строилась по принципу «надо брать всё, поскольку ничего лучше

у нас у самих нет и не факт, что мы когда-либо сможем это придумать». Япония регулярно направляет культурные миссии в Китай, невзирая на то, что мореплавание по тем временам не было их коньком, а далёкие путешествия по морю были крайне опасным предприятием. Нужно отдать должное любознательности и бесстрашию японцев, без этого подобные приключения вряд ли были бы возможны.

Один столь же анекдотический, сколь и печальный случай, описанный в хрониках, даёт примерное представление о том, как могла выглядеть судьба подобной культурной миссии. Четыре корабля, возвращавшиеся из Китая вместе с важными китайскими послами, отправились из устья Янцзы и вскоре попали в сильнейший шторм. Корабль, на котором плыла основная часть делегации, разломился на две части после удара молнии, и глава делегации и около двадцати пяти её членов были немедленно смыты за борт волной и утонули. Пара кораблей после долгих дней странствия в потрёпанном виде причалили к Кюсю, а моряки с ещё одного судна были захвачены в плен островитянами, которые хотели их съесть, но, по счастью, им удалось бежать.

Эта зарисовка может дать приблизительное представление о том, сколь рискованным предприятием были культурные обмены и заимствования в описываемое время. Тем ценнее становились те знания, которые получалось добыть и успешно доставить, не лишившись жизни и не потеряв полученное.

Культурное влияние Китая на Японию поистине масштабно и многогранно – до такой степени, что за этими заимствованиями тяжело порой разглядеть настоящую Японию, какой она была в древности. Достижения китайской цивилизации очень глубоко проникли в сознание и быт японского народа, и сложно назвать ту сферу жизни, в которой бы это влияние не было бы заметно.

В первую очередь оно, безусловно, проявилось в сфере интеллектуальной и философской. Учитывая то, что в Японии, как мы помним, в то время господствовала первобытная вера в духов природы, можно себе представить эффект от знакомства с религиозными концепциями, формировавшимися на протяжении многих столетий на материке. Во-первых, в середине VI века в страну попадает *буддизм*. Формально он был известен японцам и до этого, но теперь начинается государственное продвижение этой религии на официальном уровне. Не будет преувеличением сказать, что именно буддизм помог создать японскую культуру и изобразительное искусство, став и философской, и политической основой жизни страны.

Важно учитывать, что буддизм в Японии отличается от того классического буддизма, который зародился в индийской цивилизации. Как и многие другие чужеземные культурные явления, которые при проникновении в Японию неизбежно подстраивались под местную специфику, буддизм также меняется в соответствии с потребностями и ожиданиями жителей страны.

Тут он стал отвечать за загробную жизнь и всё, что с ней связано. Синто было религией жизни, буддизм благородно взял на себя вопросы смерти. Нельзя также недооценивать его роль в образовании и нравственном воспитании жителей страны. К моменту прихода этой религии в Японию местные жители поклонялись деревьям и скалам, суеверно боялись гнева умерших и верили в духов природы.

Буддизм объяснил им, что смерть – это ещё не конец, рассказал про карму и перерождения, дал надежду на лучшую жизнь после смерти, если совершать благие деяния и не грешить понапрасну в этой. Он дал им изображения богов, научил их тому, что можно молиться в красивых храмах, объяснил основные принципы эстетики и устройства этого мира.

Неудивительно, что буддизм, как мы увидим, в какой-то момент получил так много власти, что немногим было под силу с ним совладать. Но это будет много позже, а пока – японцы

ещё даже не могут ухватить всю суть буддизма с его идеями сансары и нирваны (для этого их интеллектуальный уровень пока недостаточен, и это время придёт лишь спустя несколько столетий), но уже чувствуют его силу и мощь.

Также в это время в Японию приходит конфуцианство, которое во многом помогает молодому японскому государству нащупать свою идеологическую и духовную основу. Идея государства как семьи, почитания императора как отца, беспрекословное уважение к старшим – все эти элементы, являющиеся незаменимыми составляющими японской картины мира на протяжении последующих столетий, были во многом сформированы под влиянием конфуцианской доктрины.

Один из наиболее известных текстов, приписываемых Конфуцию, называется «Книга о сыновней почтительности». Этот труд был очень популярен в древней Японии, к VIII столетию входил в программу всех школ и тщательно разбирался на обязательном уровне. Основа общества – это семья, и «каждый должен почитать своих родителей так же, как каждый служит Небу», – писал Конфуций. Небо (*тянь*) – вообще ключевое понятие в конфуцианстве, неразрывно связанное с благородством правителя и его правом на управление страной. И хотя в Японии, в отличие от Китая, император правил вне зависимости от своих личных качеств, а лишь по праву принадлежности к определённой семье, идея почитания верховной власти и государства как семьи показалась правящему роду заслуживающей внедрения у себя в стране.

Заимствования были основополагающими, и не про все из них можно сказать, что они дались японцам легко. К таким сложностям относится, например, то, что было решено использовать китайскую письменность. Довольно странная идея – учитывая, что в японском языке около 50 слогов и запись их азбукой выглядела бы, безусловно, куда логичнее, чем внедрение для этой цели из-за рубежа порядка 50 тысяч пиктограмм и идеограмм.

Но прийти к идее азбуки японцам к тому времени не удалось, поэтому пришлось использовать достижения зарубежной цивилизации (впрочем, в защиту японцев надо признать, что никто из их соседей азбуку тоже не придумал, поэтому весь дальневосточный регион использовал китайскую письменность). Путаница на первых порах была невообразимой: в разных регионах для записи одних и тех же слогов использовались совершенно разные знаки, и подобное отсутствие единообразия привело к невозможности сегодня расшифровать ряд документов, относящихся к японской древности. Понадобится несколько столетий, и японцы на основе иероглифики придумают свои слоговые азбуки, но путь к ним был весьма непрост. По сути, тому, кто хотел писать по-японски, приходилось вначале выучить китайский.

В это же время в Японии появляется китайский календарь: так называемые «10 небесных стволов, 12 земных ветвей». В его основе лежала идея цикличности времени: каждый цикл состоял из шестидесяти лет. 10 стволов – это пять китайских первоэлементов (Огонь, Вода, Металл, Земля, Дерево), у каждого из которых были «старший» и «младший» братья[13]. 12 ветвей – это двенадцать китайских зодиакальных животных. Количество возможных сочетаний, таким образом, составляет шестьдесят: цикл начинается с года Крысы, старшего брата Дерева, и заканчивается Свиньёй, младшим братом Воды. Новое совпадение первого «ствола» и первой «ветви» происходит ровно через шестьдесят лет[14]. Известный сегодня всему миру цикл из двенадцати лет, в котором животные сменяют друг друга, – это на самом деле уменьшенный цикл полной шестидесятилетней версии.

Эти же самые животные применялись и для разделения суток на одинаковые временные отрезки (в русской традиции их называют «стражами»), равнявшиеся примерно двум астро-

[13] Впрочем, «братьями» их называют в европейской традиции, в китайском оригинале родственных семейных отношений между ними нет.

[14] 60-летний юбилей в Японии называется *канрэки*: считается, что человек в этом возрасте снова становится младенцем и как бы заступает на новый круг жизни. По этому поводу нужно дарить ему красные, нарядные вещи.

номическим часам: например, стража Крысы была ночью (с 11 вечера до часа ночи), стража Змеи – утренней (с 9 до 11 утра), а Обезьяна заступала на стражу примерно в три часа дня.

Они же были использованы для ориентации не только во времени, но и в пространстве. Пока в языке не появились понятия сторон света, японцы ориентировались по направлению Дракона, Тигра или Змеи. Так в Японии формируются основные временные и пространственные координаты.

Китайские нововведения не обошли стороной и политическую жизнь. К 603 году относится введение системы чиновничьих рангов по китайскому образцу. Они были названы важными конфуцианскими понятиями и ранжированы по цвету головных уборов. Чиновник первого ранга, к примеру, назывался «Большая добродетель» и носил фиолетовую шапочку, а чиновник 12-го – самого низкого – ранга назывался «Малой мудростью», и шапочка у него была серого цвета. Вообще, судя по японской политике в древности, цвета головных уборов и мантий их интересовали гораздо больше, чем политические функции той или иной должности: таким образом, сама система была китайской, а содержание было уже японским.

Это, разумеется, лишь некоторые примеры того, как японская повседневная жизнь обогащалась новым содержанием – благодаря стараниям правящего рода обмены становятся регулярными, буддийские монахи, учёные, художники и инженеры отправляются на стажировки в Китай, проводят там несколько лет и возвращаются непревзойдёнными мастерами.

Благодаря постепенному культурному и политическому развитию японцы со временем начинают осознавать себя самостоятельными, независимыми, а в чём-то – даже превосходящими великий Китай. Подумать только: в 607 году Япония вместе с официальным посланником Оно-но Имоко направляет в Китай письмо, в котором от лица Императора страны, где солнце восходит, обращается к Императору страны, где солнце заходит.

С точки зрения современного знания географии в таком обращении был свой резон, но писать в официальном послании императору великого Китая такие слова (учитывая, что ещё несколько столетий назад у него выпрашивали право на власть над страной) – было настолько вызывающе, что китайский император был оскорблён и письмо поначалу не принял.

Но конфликт вскоре был улажен: китайцы сделали скидку на то, что от их диких островных соседей странно ожидать дипломатического такта, а в следующем японском официальном письме через пару лет тон стал уже гораздо более уважительным.

Все эти дипломатические миссии и масштабные изменения японского государства были бы невозможны без одного человека, которого можно считать первым японским просветителем.

Его звали Сётоку Тайси (принц «Святые Добродетели»), и он приходился племянником императрице Суйко – первой женщине на японском престоле, правившей с 593 по 628 годы. Принц Сётоку, обладая не только мудростью и благими намерениями, но и мощным государственным ресурсом, хорошо понимал, что для развития своей страны нужно брать пример с более развитых стран, а потому всячески стимулировал внедрение зарубежного опыта.

Скорее всего, он поддерживал и стимулировал распространение буддизма не потому, что ему было близко содержание этой религии (она для японцев на тот момент была несколько сложна для понимания), а потому, что чувствовал её великую роль в жизни на материке. Если научить этому и местных жителей, рассуждал он, возможно, это введёт страну в цивилизованное пространство и позволит тем самым сравняться с более продвинутыми соседями.

В целом инициируемое властями насаждение буддизма в Японии в VII столетии следует рассматривать не столько как религиозную инициативу, сколько как средство постижения другой цивилизации, где понятие «буддизм» равняется понятию «культура» в целом. Не в последнюю очередь благодаря такому восторженному отношению буддизм, как мы увидим, приобрёл почти неконтролируемое влияние на разные сферы жизни страны.

Принц Сётоку является создателем первого в Японии свода законов, состоящего из 17 статей. Эти «17 Статей» принца Сётоку хоть иногда горделиво и называются «конституцией», едва ли в полной мере ею являются. Беглое ознакомление с содержанием, скорее всего, позволит читателю согласиться с этим утверждением.

Сётоку Тайси (ок. 574–622)

Так, вторая статья этого документа говорила о почитании трёх буддийских сокровищ (Будда, Дхарма – нравственный закон в буддизме и Сангха – буддийская община), пятая предостерегала против жадности и чревоугодия, восьмая требовала от чиновников усердной работы, десятая осуждала гнев, а четырнадцатая – зависть. Понятия, конечно, фундаментальные, но от конституции современный человек всё же ждёт другого.

Однако, несмотря на несколько формальный характер этого свода законов, по тем временам это, безусловно, был прорыв в формировании как государства, так и общественной

морали. Нельзя, конечно, забывать, что читали и знали этот документ очень немногие: подавляющая масса жителей страны была даже не в курсе ни этих 17 статей, ни деятельности принца «Святые Добродетели», да и вообще ещё не осознавала самой страны. Они пока мыслили масштабами своего рода, и до формирования этнической идентичности японцев оставалось ещё несколько столетий. Для императорского рода, тем не менее, это был большой шаг вперёд на пути к законодательной базе будущего государства.

Хотя имя Сётоку Тайси часто упоминается в числе преобразователей японского государства, а его фигура сегодня известна и почитаема всеми японцами, нужно помнить, что этим всем он занимался не один: за ним стояли серьёзные политические силы, которые его поддерживали и делали эти реформы возможными. И главной такой силой был могущественный клан Сога.

Сога стоит особняком среди родов раннего государства Ямато. Им были доверены сбор налогов и другие административные функции; они занимались внешними связями: отправляли посольства в Китай, продвигали буддизм и развивали экономику. За полвека им удалось подвинуть с политической сцены такие великие древние кланы, как Мононобэ и Накатоми, и полностью узурпировать власть в стране.

По большому счету, это был первый род в японской истории, который понял, что, для того чтобы править страной, совершенно необязательно захватывать власть. Гораздо изящнее и менее рискованно это можно делать, вступая с правящим родом в родственные отношения – например, выдавая дочерей замуж за будущих наследников престола. Так главы клана Сога как «теневые кардиналы» осуществляли управление государством от лица императора и при полнейшем его попустительстве.

Эта система в японском государстве оказалась настолько живучей, что проявления её видны до сих пор: на протяжении семи столетий по поручению императора всю фактическую власть осуществляли *сёгуны*, а сейчас это делают премьер-министры. Всё это время императоры меняются – свергаются и возводятся на престол, умирают и рождаются, подписывают указы и появляются на церемониях, – но за крайне редкими исключениями они не слишком известны миру. Впрочем, их это, кажется, не слишком беспокоит. Куда сильнее политики их занимают гораздо более интересные вещи.

Так, например, предыдущий, 125-й, император Японии – Акихито, отрекшийся от престола в 2019 году, – является уважаемым ихтиологом, членом Лондонского Линнеевского общества, одного из самых влиятельных в мире биологии; он опубликовал немало научных работ, посвящённых морским бычкам. Один из их видов, впервые описанный в 2005 году, был назван в его честь – Exyrias akihito.

Как можно заметить, власть императора является формальной и не подтверждается реальными полномочиями, но, возможно, именно поэтому она сохранилась на протяжении стольких столетий: поскольку на императоре нет никакой ответственности за происходящее, не должно быть и тех, кто им недоволен. Император всё-таки является божеством, а значит, ему вообще не пристало заниматься всей этой мирской суетой типа политики.

Сога-но Умако (551–626) был деятельным императорским министром, приближенным к власти настолько, насколько это вообще было возможно. В 593 году он посадил на престол свою племянницу – императрицу Суйко (деталь, красноречиво говорящая о расстановке политических сил в то время) и вместе с принцем Сётоку активно изучал буддийские сутры и китайские добродетели, способствуя продвижению буддизма – разумеется, скорее в силу политических, нежели религиозных причин.

Безграничная власть переходит по наследству к его сыну по имени Эмиси, который в свои пятьдесят с лишним лет мог так же, как и его отец, считать себя фактически полноправным правителем страны. Помимо огромного влияния на правящих императриц, которое он имел

в силу должности и статуса, он выдал свою дочь замуж за императора, тем самым поддерживая хорошую установившуюся традицию. Когда он в 643 году передаёт по наследству звание верховного министра своему сыну Ируке и тем самым обеспечивает своей семье дальнейшее процветание, он был уверен, что умрёт, являясь фактическим правителем страны, и ничего не может пойти «не так».

Он даже не мог представить себе, как всё повернётся.

Сога-но Ирука был, судя по всему, крайне избалован почти безграничной властью: уже в следующем году после назначения министром он нападает на замок своего политического конкурента, принца Ямасиро-но Оэ, – и заставляет того покончить с жизнью. Всё бы ничего, но принц был сыном великого принца Сётоку и претендентом на императорский престол. Такой демарш, разумеется, не мог остаться без внимания и без должного наказания. Против рода Сога формируется коалиция, которую возглавили девятнадцатилетний принц Нака-но Оэ и его двадцатидевятилетний помощник по имени Фудзивара-но Каматари. Они долго ждали подходящего момента – и он наконец настал.

В июле 645 года должен был проходить приём корейских послов, и заговорщики решили выбрать для убийства именно эту церемонию – по всей видимости, для наибольшего эффекта. На приёме они закололи Ируку на глазах у императрицы Когёку, после чего она по вполне понятным причинам решила отречься от престола: страшно даже представить себе, насколько нечистым с точки зрения традиционного синто было увидеть гибель другого человека. Совершенно очевидно, что править страной после такого нельзя. (Впрочем, нужно отметить, что она, отрёкшись в пользу своего брата, после его смерти, в шестьдесят лет, снова стала императрицей).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.